

Геннадий Красников. Москва

«Один в вышине!..»

*Русскому поэту и просветителю
Юрию Ключникову посвящается*

Прожить в России долгую жизнь и не иметь трудной судьбы и ломанной биографии – это было бы слишком идеально и как-то уж совсем не по-русски. И в этом – «русском» – смысле с судьбою у Юрия Михайловича Ключникова, сибирского поэта, переводчика, эссеиста – всё, как говорится, в полном порядке.

Что может быть страшнее войны, пришедшейся на детство ребёнка? И через всю разрушенную, заплаканную страну эвакуация вместе с родителями вначале в Саратовскую область, затем, в 1942 году, – в Кузбасс. В тринадцатилетнем возрасте работа у станка в шахтёрском городе Ленинске-Кузнецком. По окончании филологического факультета Томского университета работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, главным редактором Новосибирского областного радио и Западно-

Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН.

После некоторого благополучного периода в жизни, когда из «забот суетного света» с перспективами дальнейшего карьерного роста – Аполлон ещё не призывал будущего поэта, но уже готовил серьёзно «к священной жертве». Не было на хрущёвскую «оттепель» своего Константина Леонтьева с требованием «подморозить Россию», оттого-то «весенний тлетворный дух» ударил в слабые интеллигентские головы той поры. Однако, если у Гоголя дороги расползались как раки в разные стороны, то интеллигенция наша в шестидесятые годы ещё резвее разбежалась по разным углам. Ю. Ключников в эти годы вместо политического диссидентства избрал путь духовного поиска, возвращения к религиозным истокам, за что, кстати, пострадал тогда же и писатель Леонид Бородин.

Для Ю. Ключникова переломным (так ломается биография!) стал 1979 год, когда он, благонамеренный коммунист, был обвинён в идеализме и богоискательстве, и после трёх-четырехлетних разбирательств перед лицом партийной инквизиции, требовавшей от новоявленного Галилея отказа от признания, что «земля вертится», то есть, что Бог есть, – был уволен с работы и спущен вниз с крутой карьерной лестницы. Результатом стали шесть лет работы грузчиком на хлебзаводе, почти как в военном стихотворении Семёна Гудзенко «Я был пехотой в поле чистом» с его добровольным выбором – «Быть под началом у старшин хотя бы треть пути, потом могу я с тех вершин в поэзию сойти...» И Ключников сошёл в поэзию с грузческих вершин как простой пехотинец, работяга, труженик, подвижник...

Вспоминаются написанные в начале прошлого века строки Ильи Эренбурга об энергии и работоспособности Валерия Брюсова, похожего «на просвещённого купца, на варвара, насаж-

дающего культуру, который за всё берётся: вместо цинготных сёл – Чикаго построю, из Пинеги фешенебельный курорт сделаю, а на верхушке Казбека открою отель «Эксельсиор». Задолго до наших дней он начал работать над электрификацией российской «изящной словесности».

Что-то в нём не то от Петра Великого, не то от захолуственно-го комиссара «Совхоза». Он пишет стихи – классические и вольные, парнасские и гражданские, «декадентские» и нраво-учительные, сонеты, терцины, баллады, триолеты, секстины, лэ и прочие, в стиле Некрасова или Малларме, Верхарна или Игоря Северянина. Пишет ещё драмы, рассказы, повести, романы. Переводит с языков древних и новых. Выступает в роли философа, филолога, художественного критика, военного корреспондента. Его именем подписан не один десяток книг, а поместительные ящики его стола хранят залежи ещё ненапечатанных рукописей. Он неутомим, и не о таких ли людях думал Блок, называя Русь «новой Америкой»?

«Брюсов как-то сказал мне, что он работает над своими стихами каждый день в определённые часы, правильно и регулярно. Он гордится этим, как победой над тёмной стихией души. Изобретатель машины, действующей безошибочно во всякое время и при всякой температуре. Напрасно говорят, что случайны и темны пути, по которым пришёл Брюсов к цельному и всемерному утверждению коммунизма. Как мог он не почувствовать столь близкого ему пафоса великой механизации хаотического доселе бытия?».

Эренбург прав, Александр Блок, конечно же, угадал явление в России этого «нового» человека – «человека-артиста», что было связано с его представлениями о тенденциях развития русской культуры, при которых происходит сближение и слияние различных видов искусств, осуществляется синтез

всевозможных типов знаний и форм культурной деятельности.

Немало общего найдём мы в характеристике, данной великому труженику, «человеку-артисту» Валерию Брюсову, с творческим темпераментом Юрия Ключникова, который, по признанию его сына С. Ключникова (пожалуй, главного пропагандиста трудов отца), – и сейчас, в своём почтенном возрасте, работает ежедневно по 12 часов, и его столы переполнены ещё неопубликованными стихами, переводами, прозой...

Юрий Михайлович Ключников переводит с пяти языков, свободно владея французским. Китайцев, суфиев, англосаксов и индийцев он переводил с подстрочников, всего им переведено почти 1400 стихотворений, собственных же стихов за 90 лет скопилось около 1600.

Он переводил Вийона, Вольтера, Беранже, Гюго, Бодлера, Верлена, Рембо, Аполлинера. Перевёл 100 стихотворений Джона Донна, переводил Фирдоуси, Омара Хайяма, Ли Бо, Ду Фу, сонеты Шекспира, перевёл полностью все 18 глав Бхагаватгиты, сейчас продолжает работать над переводами индийской лирики и духовной поэзии.

Об антологии (2015 г.) его переводов французской лирики «Откуда ты приходишь, красота?» (250 стихотворений, масштабный замысел показать образцы поэзии с XII века по конец века XX-го!), – крупнейший специалист по зарубежной литературе Станислав Джимбинов писал: «Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке “тёмных” мест поэт взял на себя, о чём он говорит сам... Такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции». (Вот бы кому давать орден Почётного легиона, созидателю и просветителю, а не

разрушителям отечественной истории и культуры, которых так щедро одаривает современная Франция!).

Словом, когда оглядываешь колоссальный масштаб проделанной работы за одну жизнь одним человеком-творцом, воистину, человеком-артистом, Юрием Ключниковым, реально воплотившим в своём труде слияние различных видов искусств, осуществившим синтез разносторонних типов знаний и форм культурной деятельности, в серьёзном возрасте совершившим ряд экспедиций по высокогорным местам Алтая, Индии, Непала, поднявшись на высоту более 4000 метров, – так и хочется выразить этот жизненный подвиг возвышенной и по-своему трагической пушкинской строкой о метафизическом одиночестве: «Один в вышине!..» Один, – потому что весь этот труд, весь этот взятый на себя крест служения русской культуре, отечественной истории, этот подвиг, говоря словами Блока, «со-распятия» с измученной войнами и вечными недругами, – Россией, – происходил и происходит, когда национальная культура и русская литература никому не нужны, унижены, охаяны, осмеяны легализованными современной властью хохмачами и клеветниками России, а по сути, по-большевистски, уже не в одном поколении насильно посажены на разбитое вдрызг утлое «философское» судёнышко и выброшены во внутреннюю эмиграцию со своими неоткрытыми и неоценёнными новыми Бердяевыми, Ильиными, Карсавиными, Лосскими, Булгаковыми, а вкупе с ними и иными путями канувшими в эмиграции – Буниными, Адамовичами, Ходасевичами, Ивановыми, Мережковскими...

Немцы говорят: где профессор, там и университет, Евангелие благовествует: «где соковище ваше, там будет и сердце ваше», в этом смысле Новосибирск, где живёт и творит Юрий Ключников, – есть своеобразный духовный ключниковский

центр России, ибо там создаются рукотворные сокровища, которые притягивают и освещают сердце современного человека, небезразличного к родной истории, к русскому слову. Ибо там сегодня в творчестве нашего современника подтверждается делом и словом пушкинская «всемирная отзывчивость», откликающаяся на переключку всех поэтических вершин мировой культуры, всех языков, на которых говорит с небом и землёй дух человека. Земляки поэта, из того самого ключниковского университета, В. Костин и А. Казаркин очень точно подмечают эту его особенность, говоря, что «за словами “поэзия Юрия Ключникова” встаёт огромный мир, огромный хор поэзии, мировой и российской, от Пушкина до суфиев, мир по-евразийски выразительный – мир влюблённого в поэтическое слово читателя и ответственного посредника». Другой его новосибирский земляк, пронизательный и глубокий критик и эссеист, А. Побаченко, так оценивает этот поистине ренессансный и просветительский вклад в отечественную культуру: «Взявшись за такой масштабный проект, как ознакомление русского читателя с лучшими образцами мировой поэзии в сочетании с философской мыслью, Ключников, безусловно, рисковал. Но тот, кто всё-таки решается выполнить задуманное, становится проводником истины бытия в мир сущего и “собирает” это сущее к подлинности его бытия». При этом Ю. Ключников продолжает оставаться корневым русским, страдающим, со-распинающимся со своей Родиной. Лев Аннинский справедливо отмечает: «Крест – вот решающий (разрешающий) лейтмотив лирики Юрия Ключникова. Нести свой крест, как шерп несёт на Эверест керосинку. Как несла свой крест Анна Ахматова. Как волок его злой, как африканский слон, Маяковский. Крест должен нести поэт сквозь все эпохи и сезоны». О

том же, фактически, говорит критик Владимир Бондаренко, назвав стихи Ключникова «молением о России»...

«Нет истины там, где нет любви», – обронит однажды Пушкин, как бы вторя словам Паскаля: «Я могу одобрить только тех, кто ищет истину с болью в сердце». Исходя из такого понимания, я назвал бы поэтический, переводческий, творческий свод произведений, а фактически, итог всей жизни уникального русского труженика на литературном и просветительском поприще Юрия Ключникова, – также как назвал когда-то свой труд Мишель Монтень – «Опыты»... Они, его произведения, в какой бы форме, в каком бы жанре не были написаны, – в сущности есть его философский опыт, его искание истины с болью и любовью, его философские и эстетические размышления о жизни, об истории, об искусстве, о любви, о смерти, о Родине, о войне, о мире, о мироздании, о природе как таковой и о природе человека, в частности, о самой философии, наконец... Та же, как у Монтеня в «Опытах», пестрота тем, поднятых вечных и временных вопросов, та же включённость разговора и любого сюжета в контекст мировой культуры всех времён и народов с цитатами, чередой имён (здесь эту роль выполняют в частности и переводы великих поэтов Запада, Востока), та же, в основном, лаконичность и афористичность. Разумеется, я говорю о форме, о тематической широте, о личном опыте проживания во времени, в культуре, в истории частной и Большой. Также какие-то сюжеты можно просто перелистывать, пропускать и возвращаться к ним под настроение, по какому-то поводу; что-то задевает сразу, заставляет задуматься, включить собственный ассоциативный ряд применительно к современности или к страницам прошлого. Понятно, что новые ритмы, новые информационные вспышки, немедленная реактивность человечества на миллионы одновременных трагических, драма-

тических, идиотских, тупых, криминальных, экологических, растлевающих и оупляющих событий, обрушивающихся в клиповом, мелькающем режиме, – уже не оставляют человеку ни психологического, ни эмоционального, ни эстетического, ни временного резерва для чтения длинных, многословных, повествовательных, интонационно и стилистически вялых архаичных поэм, осилить которые сегодняшнему читателю практически невозможно, да и просто неинтересно. Даже бедный Мандельштам ещё до всех интернетов и современных гипертекстов признавался: «Бессонница, Гомер, тугие паруса... Я список кораблей прочёл до середины». До середины, понимаете? Список кораблей. Самого Гомера!.. Но как факт личной истории автора, его труда, размышлений, как запечатлённое (запечатанное!) в слове время положенной на этот труд жизни – это уже остаётся также в виде «опыта» в большом своде трудов Юрия Ключникова, однако не должно перегружать изданий книг его избранных стихотворений. Мне кажется, такой по настоящему строго отобранной небольшой книги лучших стихотворений пока у Юрия Ключникова, к сожалению, нет.

И это понятно, поскольку за его плечами десятилетия творческой работы, сотни и тысячи написанных стихов и переводов, – в общем, без отзыва, без отклика, говоря языком И. Анненского без «отражений» в серьёзной критике. И лишь в последние годы, когда автор давно перевалил экватор жизни и стал приближаться едва ли ни к мафусаилову веку, столичная и общероссийская критика разглядела в нём и поэта, и мыслителя, и подвижника, и философа, и патриота... Одним словом, на его «закат печальный», к счастью, всё-таки блеснула любовь с «улыбкою прощальной»...

А прежде потому и хотелось поэту при каждой возможности выпустить книгу – и как можно полнее представить

себя, вытащить на показ все свои творческие закрома, сусеки, амбары, кладовые, в которых тяжко ему было в одиночестве, без читателя и критиков, «над златом чахнуть». Оттого-то порой объём таких книг, как щедрый стол у тароватого хозяина, придавливал, загораживал, заслонял, быть может, небольшие, скромные по размеру и форме, лирические и философские стихи, миниатюры, в которых нередко именно и проявлялось настоящее поэтическое мастерство Юрия Ключникова, билось живое сердце поэта.

В таких, например, как «Фольклорный ансамбль», с его пронзительно-щемящими строками, в которых так бережно зорко и чисто предстаёт скорбный и светлый материнский лик нашей Родины:

*Сложив на животе неловко руки,
Похожие на крышки погребов,
Поют на сцене русские старухи
Про ящичка, про Волгу, про любовь...*

*...Они порой совсем теряли силы,
Когда в годину чёрную свою
По мужикам убитым голосили.
И вот теперь, вы слышите, поют!*

*Поют, пройдя всех преисподних круги,
Поют всем сердцем, сердце веселя.
Поют на сцене русские старухи,
Двужильные, как русская земля!*

Или – набатом звучащие стихи-предупреждения, стихи, при всей их далёкости от публицистичной прямолинейности, напоминающие плакат «Родина-мать зовёт!»:

*Мы в окопах ещё,
мы в траншеях по самые плечи,
видно, день не настал,
видно, час наступать не пришёл.
Словно мессеры кружат
чужие недобрые речи,
атакуя повсюду
притихший российский Глагол.*

Действительно, лучшие стихи Юрия Ключникова звучат как «молитва о России», как призыв к пробуждению «притихшего российского Глагола».

Ибо близкий русскому православному духу, гениальный Паскаль предупреждал: «Иисус будет терпеть муку до окончания света. Всё это время не должно спать».

И слава Богу, в России есть ещё редкие люди, такие как Юрий Ключников, которые, помня о Том, Одном, на Кресте, не прекращают своего духовного труда. Их труд, их работа – это их ежедневная и ежечасная молитва. Даже если они совсем одни в вышине, откуда виднее Голгофа и вся Россия.

